

МОЛЧАНИЕ КАК ФОРМА РИТУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОСТРОМСКОЙ ТРАДИЦИИ)

Яна Владимировна Малькова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Топонимическая лаборатория
кафедры русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Почтовый адрес: пр. Ленина, 51,
Екатеринбург, 620000, Россия
Электронный адрес: yana-malkova@list.ru
ORCID: 0000-0003-3511-0878

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению функций молчания как формы ритуального поведения. Несмотря на то что молчание соотносится с близкими понятиями (входящими с ним в разные типы отношений) — табу, умолчание, тишина, оно является самостоятельным концептом в народной культуре. В статье анализируется одна культурно-языковая традиция — костромская, а материалом выступают полевые записи, сделанные Топонимической экспедицией Уральского университета. Задачи исследования в том, чтобы обнаружить ситуации, в которых обязательно молчание, выявить функции молчания в различных ритуалах и колдовских практиках, а также реконструировать смысл запрета на речь, определенные представления, которые связаны с идеей молчания. Классификация материала показывает, что молчание возникает в ритуалах, приуроченных к святочному циклу (гадания и колядование), сельскохозяйственных и скотоводческих ритуалах (окончание жатвы, покупка и разведение скота и др.), ритуалах жизненного цикла (рождение, свадьба, смерть), ритуалах защиты от бедствий (например, пожара), а также в некоторых колдовских практиках (наведение и снятие порчи). Среди функций выделяются: 1) моделирующая, где реализуется механизм магии подобия: как молчит исполнитель обряда, так и — впоследствии — тот, на кого ритуал направлен; 2) стимулирующая, когда молчание становится эквивалентом магического высказывания и служит гарантом исполнения того или иного действия; 3) апотропеическая, в этом случае молчание становится своеобразным оберегом; 4) символическая: молчание указывает на «переходный» статус участников обряда. Все функции объясняются либо, с одной стороны, комплексом представлений о молчании — его связью с потусторонним миром, миром мертвых; либо, с другой стороны, распространенным в народной культуре механизмом симпатической магии.

Ключевые слова

Этнография, Костромская область, молчание, народный календарь, народная медицина, симпатическая магия

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10029, <https://rscf.ru/project/23-78-10029/>

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2026 г.

Статья доработана автором 23 мая 2026 г.

Статья принята в печать 11 июня 2026 г.

Цитирование: Малькова Я. В. Молчание как форма ритуального поведения (на материале костромской традиции) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2026. Т. 21. № 1–2. С. 267–284. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2026.21.1-2.15>

SILENCE AS A FORM OF RITUAL BEHAVIOR (BASED ON THE RECORDS OF KOSTROMA CULTURAL AND LINGUISTIC HERITAGE)

Yana V. Malkova

PhD, Senior Researcher,
Toponymic Laboratory
of Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
Postal address: 51 Lenin Ave.,
Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: yana-malkova@list.ru
ORCID: 0000-0003-3511-0878

Abstract

This article is devoted to the study of the functions of silence as a form of ritual behavior. Despite the fact that silence is related to certain close terms (having different types of relations with the former), such as taboo, deliberate omission, stillness, it is an independent concept of the folk culture requiring special attention. The article analyzes the Kostroma cultural and linguistic heritage and is based on the field records made by the Toponymic Expedition of the Ural University. The task of the study is to discover the situations where silence is mandatory, identify the functions of silence in various rituals and sorcery practices, and reconstruct the sense of prohibition on speaking and certain beliefs related to the idea of silence. Classification of records demonstrates that the area of silence involves yuletide rituals (fortune-telling, caroling), agrarian and cattle breeding rituals (end of reaping, cattle purchase and breeding), life cycle rituals (birth, wedding, death), protective rituals against disasters (e.g., fire) and some sorcery practices (jinxing and warding the jinx off). The following functions are identified: 1) a modelling function, where the imitative magic mechanism is implemented: the one to whom the ceremony is aimed at is silent in the same way the ceremony performer has been; 2) an incentive function, when the silence becomes an equivalent of a magic statement and guarantees performance of certain action; 3) an apotropaic function, the silence becomes some sort of protective charm; 4) a symbolic function: the silence indicates the transitional status of the ceremony participants. All functions are explained by the set of ideas of silence, i.e., its relation to another world, the underworld, on the one hand, or by the sympathetic magic mechanism popular in the folk culture, on the other hand. At the same time, a conclusion is made on the different “weight” of silence for the mentioned rituals and on the causes of such situations. For example, in the birth and infancy areas the weight is great, while being rare in wedding rituals.

Keywords

Ethnography, Kostroma Region, silence, folk calendar, folk medicine, sympathetic magic

Funding

The grant of Russian Science Foundation No. 23-78-10029 (<https://rscf.ru/en/project/23-78-10029/>) is gratefully acknowledged.

Received 11 February 2026

Revised 23 May 2026

Accepted 11 June 2026

For citation: Malkova, Ya. V., 2026. Silence as a Form of Ritual Behavior (Based on the Records of Kostroma Cultural and Linguistic Heritage). *Slavic World in the Third Millennium*, 21 (1–2), pp. 267–284. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2026.21.1-2.15>

Известно, что важной составляющей мифопоэтической традиции является магическая речь. Те или иные действия могут сопровождаться специальной вербальной формулой, которая и служит гарантом их исполнения. Это может быть, к примеру, присказка, заговор, календарная песня и пр. В ряде случаев важно, как именно произносится тот или иной текст, — и речь идет о так называемом «напряженном звучании», когда магические формулы произносятся очень громко или, наоборот, тихо¹. В то же время значимым может оказаться и противоположный звуку полюс — действенную силу приобретает молчание. Именно молчанию в народной культуре и его функциям будет посвящена настоящая статья.

Молчание по своей внутренней сути неоднородно, оно соотносится с несколькими близкими концептами, которые входят с ним в разные типы отношений. С одной стороны, речь идет о ключевом для народной культуры механизме **табу**, который предполагает в ряде случаев запрет на слово или высказывание (ср. молчание как символическое «сообщение» о смерти). С другой стороны, молчание противопоставлено **умолчанию** — стремлению избегать упоминания чего-л. или сохранять в тайне определенную информацию в «опасных» или требующих удачи ситуациях. Скажем, известно, что рыбакам нельзя отвечать, какой у них улов; человеку, побывавшему в околосмертном состоянии (речь о так называемых «обмираниях»), запрещено рассказывать о том, что он видел на «том свете»; и пр. Молчание в некоторых случаях возможно концептуально развести с **тишиной**, когда не запрещено произносить что-либо, однако предписывается вести себя тихо. Близки молчанию, наконец, и отдельные ситуации, связанные с так называемой **«ономастической магией»**². Скажем, известны былички о том, как нечистая сила окликает человека по имени, и ответ на этот зов грозит большой опасностью и даже смертью. Таким образом, одной из задач статьи станет определение набора ситуаций, когда появляется молчание, и соотнесение его с близкими понятиями.

Материалом для работы послужили данные, зафиксированные Топонимической экспедицией Уральского университета на территории Костромской области³. Статья состоит из двух частей — в первой читателю пред-

¹ Об этом см., например: Березович Е. Л., Малькова Я. В. «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области) // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 24–33.

² Об этом см., например: Толстая С. М. «Ономастическая магия» в славянской народной традиции // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тезисы международной научной конференции (30 января — 2 февраля 2001 г., г. Москва). М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Ч. 2. С. 120–122.

³ Топонимическая экспедиция Уральского университета функционирует с 1961 г., ее интересы сосредоточены прежде всего на территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская, Костромская области) и Урала. В начале своей работы экспедиция была ориентирована на сбор топонимии, однако впоследствии приступила и к планомерной записи диалектной лексики и этнокультурной информации. В Ко-

лагается собственно материал, дается своеобразное «меню» различных ритуалов и колдовских практик, в которых проявляется молчание; вторая же часть посвящена собственно обсуждению — попытке обнаружения функций молчания в народной культуре, реконструкции представлений, объясняющих запрет на речь.

МОЛЧАНИЕ В РИТУАЛАХ И РИТУАЛИЗОВАННЫХ СИТУАЦИЯХ

1. Ритуалы, приуроченные к святочному циклу

Достаточно часто предписывается молчать во время такой важной составляющей святочного цикла, как **гадания**. Сохранять тишину следует в том случае, если гадающий рассчитывает увидеть свою судьбу во сне: «Три раза на ночь сказать: “Понедельник со вторником, среда с четвергом, суббота с воскресеньем, а ты, пятница, одна осталась. И я, раба, одна. Найду или потеряю, куплю или продам?” После этого ни с кем не разговаривать. Во сне приснится то, что будет» (Парф).

Традиция молчать фиксируется также у **колядующих** в Октябрьском районе: «Шиликуны-ти все к нам приходили. Постучат культурненько. Я спрашиваю: “Кто там?” Они молчат. Я накладу в мешочек всякого. Бегали колядовали — называли их шиликуны⁴».

2. Сельскохозяйственные ритуалы

Мотив молчания регулярно появляется во время дожинок — в комплексном обряде, который связан с **окончанием жатвы**. В частности, предписывается последний сноп жать молча: «Кончают жать — ну, будем завивать бороду Илье и Николе. Последний сноп жнут молча», «В здешних местах на Фрола и Лавра заканчивали жниву. В конце жатвы последний сноп жали молча» (Мак). Известно при этом, что последний сноп заносили в дом и ставили в красный угол — такое явление в целом характерно для севернорусской зоны⁵, в эту традицию вовлекаются и некоторые районы Костромской области, ср.: «Последний сноп ставят, ба́рина, принесут в сўтки [передний, красный угол], поставят» (Вохом), «Пожина́льник [последний сноп] приносили в избу. Открывали двери и выгоняли последним снопом мух, приговаривая: “Вы лето летовали, а нам зиму зимовать”. Хранился пожина́льник в избе весь год» (Парф); и др. В некоторых случаях пред-

стромской области этнография и фольклор фиксируется ежегодно начиная с 2003 г., собранный материал хранится в Этнографической картотеке Топонимической экспедиции (данные из нее будут подаваться далее без паспортизации).

⁴ Вопрос об этимологии затрагивается в статье: *Березович Е. Л.* Еще раз о русском диалектном демониме КУЛЕШ // В созвездии слов и имен: сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 26–46.

⁵ *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 278–292.

писывалось нести этот сноп домой молча: «Я всех меньше была, я неслá бáрина [последний дожинальный сноп]. Говорят: “Неси барина, ни с кем не разговаривай”» (Окт). Мотивировка подобных запретов устойчива, она повторяется в разных контекстах: «В конце жатвы последний сноп жали молча (молчать не будут — скотина зимой реветь будет)» (Мак).

3. Скотоводческие ритуалы

Обряды, связанные с обеспечением благополучия скота, уже затрагивались выше, когда речь шла о дожинках. Однако в ряде случаев молчание при уходе за скотом становится значимым вне календарных дат. В частности, регламентации подвергаются некоторые ситуации, это может быть:

- покупка скота: «Когда ведут корову, молчат. Не кричи, как через порог идёшь, не говори ничего. Лучше подхлестни. Тогда корова молчать будет» (Парф);
- отлучение детеныша от матери: «Как отводить его [теленка] от матки — молчи, ничего не говори. А про себя: “Как я молчу, так и ты молчи, ешь-запивай, пей-отпивай”» (Пав);
- разведение скота: «Я, когда вела Бурёнку покрываться, ни с кем не говорила; кого на улице встречала — отворачивалась, будто не заметила. И корова у меня всегда сразу покрывалась. Правило такое: когда корову поведёшь, ни с кем ничего не говори» (Вохом);
- болезнь скота: «К бабке ходили [если корова заболела]. Она наговорит, подёшь от её, так иди ни с кем не разговаривай, через ручеёк пойдёшь, дак умойся, говорила. Иди, кто с тобой говорит, а ты не говори, там корове лишь кусочек или водичку, умой корову или кусочек скорми» (Вохом).

3. Ритуалы жизненного цикла

Строгая регламентация поведения отличает ритуалы, связанные с переходом человека из одного состояния в другое, — так называемые ритуалы жизненного цикла. В них также появляется мотив молчания.

3.1. Рождение и младенчество. В первую очередь запрещается разговаривать около новорожденного: «Ты родилась с хлёбальную ложку: положишь на ладошку, только голова свисает. Не надо, когда ребенок родится, ничего говорить [чтобы не сглазить]» (Вохом). Однако правила поведения по отношению к младенцам охватывают и другие ситуации, в которых следует быть осторожными. Так, существует целый комплекс ритуалов, связанных с обеспечением спокойствия ребенка, избавления его от плача: «В зыбках [люльках] на очепе боткаешь [качаешь], ни с кем говорить нельзя, чтоб ребёнок не кричал» (Вохом). Саму кроватку особым образом подготавливали к рождению ребенка: «Зыбильно [шест, на который подвешивалась детская люлька] для зыбки вырубали умеючи. Идёт мужик в лес, находит дерево на зыбильно. Ляжет на землю, вырубает дерево в тишине,

чтоб ребёнок спал спокойно» (Меж); «Обязательно вырубал [очеп] мужик в лесу один, нёс домой, ни с кем не разговаривал. А не разговаривал, чтобы ребёнок не плакал: если только слово скажешь, всё ревучий будет, беспокойный» (Пыщ).

3.2. Свадьба. В Парфеньевском районе молодоженам предписывалось молчать за свадебным столом: «Сначала приезжают когда на свадьбу, то хлёбало дают, это суп, похлёбки, а потом собирают красный стол, праздничный, со всяким вкусным, а молодые сидели модились [молчали]».

3.3. Смерть. Существует предписание молчать, находясь рядом с умирающим человеком: «Если человек умирает, надо вести себя тихо, чтоб дать человеку уйти спокойно» (Меж). Этот запрет в целом распространяется на ряд ситуаций, когда живые контактируют с «миром мертвых», — так, положено молчать на кладбище: «На кладбище должна быть полная тишина, вино запрещалось пить, приносили только что-то для покойника» (Чухлом).

4. Ритуалы защиты от бедствий

Самым страшным бедствием, для устранения которого осуществляются различные ритуалы, является пожар⁶. При этом для всех славян характерна традиция тушить молоком пожар, возникший от молнии⁷; появляется эта традиция и в Костромской области, а действие в таком случае сопровождается ритуальным молчанием: «Гроза. Мама говорила, что больше такой грозы не видела. А у бабушки висят иконы на стене в красном углу. И тут молния ударяет в образ в этот, и он начинает дымиться. Мать с подружками вскрикнул. Бабушка палец к губам прижала: “Молчите!” Бабушка спустилась в погреб, кринку молока взяла, перекрестилась и на образ брызнула, и ничего не сделалось, икона дымиться перестала» (Чухлом).

5. Колдовские практики

Еще одна сферой, в которой отмечается ритуальное молчание, — сфера колдовства: с одной стороны, это наведение порчи, а с другой — ее снятие.

В одной из предшествующих публикаций мы описывали колдовскую практику порчи (проклятия), которая связана с символикой кола⁸: «“Колом тебя пригвозди!” — проклинали. А которые ничего не говорили. Молча делали. Возьмут кол, втыкают его в землю в огороде, во дворе. Ну скотина

⁶ См. обзор, скажем, в главе коллективной монографии: *Адоньева С. Б., Курзина Н. А., Мариничева Ю. Ю.* Деревенские пожары: диалог со стихией // Ритуалы бедствия: антропологические очерки / под ред. С. Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский центр, 2020. С. 130–152.

⁷ *Белова О. В.* Пожар // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 111.

⁸ *Березович Е. Л., Малькова Я. В.* К реконструкции затекстовой ситуации проклятия (на материале костромской культурно-языковой традиции) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2025. Т. 20, № 1–2. С. 131–133.

начинаетдохнуть, а когда и люди помрут. А никто кол найти не может. Пока кол не найдёшь, проклятие на тебе» (Кологр). При этом «возможна ситуация “симметрии” текста и затекстовой ситуации (кол поименован в тексте проклятия и “опредмечен” в затекстовой ситуации) и ситуации “асимметрии” (есть только именование в тексте; имеется только магическая практика втыкания кола, не сопровождаемая текстом, но объект порчи считается проклятым)»⁹.

Что касается практики снятия порчи, то здесь предписывается молчать не магическому «специалисту», который, напротив, чаще произносит какие-либо вербальные формулы, а носителю болезни: «У брата навели порчу на руки. Все окунуло руки, он в больницах подолгу лежал. И мужчина один вылечил. Иди, говорит, дорогой, ни с кем не разговаривай. Придешь в избушку — там старик живёт. Он ему наговорил на воду, дал три чекушки в евоной с водой. Иди дорогой через три ручья, и в каждом ручье поддень воды немного и намазывай. И у ёво всё прошло» (Меж). К ритуальному молчанию относится и запрет отвечать кому-либо в момент снятия порчи: «Он к старику обратился: “Ты не знаешь, где колдуны? Я так и так, с женой не сплю два месяца”. Он говорит: “Поезжай на Вятку”. Он поехал, а тот посмотрел и отвечает: “Тебе сделано смёртное, ты не приехал — скоро бы умер”. Он ему стал делать. В 12 часов ночи он пойдёт мочиться, кровь тёмная идёт из него. Звери кричат, люди кричат, птицы кричат — нельзя отвечать, молчать надо» (Вохом).

ФУНКЦИИ МОЛЧАНИЯ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Описывая каждую из ситуаций, в которых так или иначе присутствует предписание молчать, мы указали также непосредственные мотивировки к этому действию (или бездействию), которые диалектоносители приводят в своих рассказах. В этих мотивировках в разной степени может быть представлен «практический», «бытовой» смысл молчания или его функция магическая, сакральная. Скажем, молчание около умирающего человека объясняется вполне рациональным нежеланием беспокоить тяжело больного человека или же его физической, умственной неспособностью понимать что-либо из-за болезненного состояния. В то же время исследователи отмечают, что «в разных славянских традициях запрещалось разговаривать, ругаться и шуметь во время агонии, чтобы не помешать душе расстаться с телом, не спугнуть ее, “не сбить душу с пути” и тем самым не усугублять и не продлевать страданий умирающего и не спровоцировать возвращение умершего»¹⁰ — в этом проявляется апотропеическая функция

⁹ Березович Е. Л., Малькова Я. В. К реконструкции затекстовой ситуации проклятия... С. 131.

¹⁰ Агапкина Т. А. Молчание // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 293.

молчания. В свою очередь апотропеическая функция может объясняться неким символическим смыслом, заложенным в тот или иной акт, в данном случае связью молчания с миром мертвых, — об этом и пойдет речь далее.

1. Моделирующая функция

В ряде рассмотренных случаев можно говорить о том, что молчание человека, осуществляющего тот или иной ритуал, направлено на моделирование соответствующего поведения у объекта, на который этот ритуал направлен. Например, запрещалось разговаривать в тот момент, когда отлучают теленка от матери, — так избегают беспокойного поведения коровы. При этом здесь моделирование определенного типа поведения основано на так называемой симпатической магии, магии подобия: как молчит исполнитель обряда, так должен молчать и тот, по отношению к кому магический акт направлен.

Магия подобия реализуется и в рамках ритуала, приуроченного к дожинкам: если молчит человек, жнувший последний сноп или несущий этот сноп в дом, то молчит и скот. Отметим, что молчание во время жатвы последнего снопа в других зонах России и в целом Славии может преследовать множество разнообразных целей — скажем, «русские, поляки, македонцы и др. при вывозе на гумно первого снопа с поля ранней весной, по окончании жатвы, при складывании снопов на гумне соблюдали молчание, чтобы мыши не ели зерна»¹¹, в Белоруссии молчали жницы, чтобы не повлиять негативно на ход работ¹²; и др. Что же касается фактов, зафиксированных Топонимической экспедицией Уральского университета, то в них связь между молчанием во время дожинок и благополучием скота возникает потому, что дожинальный сноп скармливали скоту в праздник Покрова Пресвятой Богородицы: «В сѹтки [красный угол в избе], видно, ставят, его [последний сноп]. А потом корове в Покров закармливают» (Окт). Эта традиция, по данным О. А. Терновской, проанализировавшей огромный материал по жатвенной обрядности русских, в принципе характерна преимущественно для костромской зоны, частично — вологодской и тверской¹³. Таким образом, соотнесенность двух календарных действий (уборка последнего снопа и скармливание его скоту в Покров) позволяет реализоваться механизму магии подобия.

На симпатической магии основаны и ритуалы, предписывающие вести себя тихо рядом с колыбелью младенца, чтобы тот не плакал. Характерно при этом, что мотив подобия повторяется и в вербальных формулах, на-

¹¹ Агапкина Т. А. Молчание... С. 295.

¹² Там же. С. 294

¹³ Терновская О. А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла (материалы к словарю) // Славянское и балканское языкознание. Вып. 4: Карпато-восточнославянские параллели: Структура балканского текста / сост. и отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 110–111.

правленных на обеспечение спокойного детского поведения. Т. А. Агапкина, описывая заговоры от детской бессонницы и крика, отмечает, что, среди прочих, существует стратегия «наведения на ребенка правильного сна». При этом на Русском Севере более всего известны формулы спокойного сна, определяемого теми моделями поведения, «которым ребенок должен “следовать” для обретения им сна и покоя. Согласно этим формулам, ребенок должен *крепко спать, молчать* <...> и уподобляться в этом состоянии неодушевленным предметам. Формулы представляют собой развернутый сравнительный оборот типа “*как что-то тихо, спокойно, молчаливо, так бы и ребенок крепко спал / лежал, молчал*”»¹⁴. Подобную структуру мы находим и в костромских заговорах: «Под порог ошемётки [старые лапти] клали: “Как ошемётки молчат, так пусть и ребёнок молчит”» (Пав), «Ребёнок родится, над печкой держали ребёнка раза три: “Как печка молчит, так бы и ребёнок молчал”» (Окт)¹⁵.

Любопытно и то, что если для успокаивания ребенка используются предметы «молчащие», то в ритуалах стимуляции речи напротив обращаются к «звучащим» предметам — согласно все тому же механизму магии подобии. В Костромской области часто таким предметом становится колокол: «У ей родилась дочка. И 6 лет уж было — она ничего не говорила. И матери приснилось во сне, старичок сказал: “Зайди на колокольню и привяжи полотенце к языку [колокола]”. Она сделала — и девочка стала говорить» (Парф). Действия с реальным предметом могли заменяться символическим ритуал-диалогом: «Ребёночек говорить не мог, мать посадит его в мешок и обходит деревню. Обойдёт, спросит под окошком в каждом

¹⁴ Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. С. 288–289.

¹⁵ Отдельно обратим внимание на то, что в рамках данной статьи нас интересуют «превентивные» ритуалы, которые направлены на обеспечение благополучия, поддержание нормы, а также те, в которых молчание является «инструментом» или обязательным условием исполнения магического действия. В то же время существует большой пласт ритуалов, связанных с избавлением от детской бессонницы и испуга — состояниями, которые не всегда соотносились с физиологическими причинами, но чаще объяснялись порчей, сглазом, воздействием нечистой силы и пр. Среди них особое место занимает ритуал лечения болезни *тишины*: «И его [ребёнка] я принесла домой, и он опять ревет, и его ви́рохат [трясет], так вот ломает его, глазки навывкатку. И пришла бабушка, давайте, говорит, тихо, на нём, говорит, *тишина*» (Вохом). В приведенном костромском примере «оживает», кажется, этимологическая магия — *тишину* лечат тишиной. И такой способ лечения, опирающийся на лечение подобного подобным, для этого недуга нередок: об этом подробно пишет Т. А. Макшакова, приводя сведения о том, как в заговорах против *тишины* встречается мотив *утишения* и *утешения*, как для лечения используется трава *тишина* и вода, освященная иконой св. Тихона, см. об этом: Макшакова Т. А. Тиха ли тишинка? Этнолингвистический комментарий к русскому диалектному *тишина* ‘детская болезнь’ // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 289–291. Кстати, этимологическая магия появляется и в поведении рядом с умирающим человеком: «Говорят, перед смертью нельзя разговаривать с человеком. Тишина [особое предсмертное состояние], говорят, находит на него, он в бреду, не понимает ничего» (Вохом).

доме: “Колоколо али язык?” — “Язык, язык”. Ну он и заговорит (Мак)»¹⁶. Так, Т. А. Агапкина пишет о том, что «колокольный звон осмыслялся как аналог человеческой речи, чем, вероятно, объясняется большое количество магических приемов лечения немоты или задержек в развитии детской речи с помощью колокольного звона»¹⁷.

На магии подобия основан и запрет разговаривать, когда отец или другой мужчина отправляется в лес, чтобы вырубить дерево для кровати. Такой сюжет, кажется, не фиксируется за пределами Костромской области, хотя в славянской народной традиции существует особое внимание к изготовлению детской колыбельки, при этом исследователи отмечают, что «на Русском Севере магическими действиями окружался также очеп»¹⁸. Среди предписаний о том, как следует изготавливать очеп, чтобы предотвратить детский плач, нам удалось найти только несколько фактов. Первый факт, основанный также на механизме магии подобия, записан в Пермском крае — зоне вторичного заселения: «чтобы маленький ребенок крепче спал, надо дерево на очеп... рубить в лесу с закрытыми глазами»¹⁹. Второй факт касается материала: в Ярославской области (примыкающей с запада к Костромской) запрещалось делать очеп из березы, поскольку белый цвет березы связывается со светом, который воспринимается как причина бессонницы²⁰.

2. Символическая функция

Следующую функцию молчания в ритуале можно обозначить как символическую, «знаковую» — и имеется в виду прежде всего указание молчанием на некий «переходный» статус участников обряда. Такая функция реализуется в свадебном обряде — в молчании жениха и невесты за столом (в наших материалах единично). В то же время исследователь свадебной обрядности славян А. В. Гура пишет о том, что этот мотив встречается широко: лиминальный статус молодых реализуется в свадебном обряде с помощью разных кодов, в том числе акустического²¹. «Переходное» поло-

¹⁶ Безусловно, ритуалов лечения задержек развития значительно больше, здесь же нам интересны лишь некоторые из них — в плане противопоставления молчания / говорения.

¹⁷ Агапкина Т. А. Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 263–264.

¹⁸ Толстая С. М. Колыбель // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 559–562.

¹⁹ Деревня Монастырь на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району / сост. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 2003. С. 44.

²⁰ Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. С. 28.

²¹ Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. С. 708.

жение, непосредственно с ним соотносимая связь со смертью проявляются в целом в изоляции молодоженов — «в запрете прикасаться к ним, их молчании, бездвижности невесты, отдельном угощении молодых, отделении от внешнего мира (например, в закрывании невесты покрывом)»²².

Функцию, указывающую на особый статус участников обряда, реализует и молчание ряженных. В костромских материалах, записанных Топонимической экспедицией Уральского университета, этот факт также единичен, однако в целом исследователи замечают, что «молчание характерно для поведения ряженных, на время связавших себя с потусторонними силами и потому вынужденных вести себя сообразно нормам нечеловеческого поведения»²³.

3. Апотропеическая функция

Известно, что в культуре существует представление о том, что слово обладает действенной силой: опасно ругать или проклинать — произнесенное может сбыться, нельзя упоминать нечистую силу, которую можно «вызвать» словом. Таким положением дел объясняется запрет разговаривать рядом с новорожденными, который встречается в наших материалах. В этом смысле молчание сближается с табу, ведь ругань или проклятие ребенка может привести, по народным представлениям, к необратимым последствиям²⁴. Однако думается, что в данном случае молчание понимается шире: речь идет не только о брани, но и том, что к тяжелым последствиям может привести даже похвала, невовремя сказанная или исходящая от «урочливого» человека. Полное молчание рядом с новорожденным в таком случае срабатывает как своеобразный оберег от любого случайно оброненного, неосторожного слова.

Апотропеическую функцию обретает молчание и рядом с умирающим, когда слова могут затруднить уход душе. Что касается погребального обряда и локусов, связанных со смертью, то здесь кажется, что защитные функции применимы уже к самим молчащим: «молчание участников погребального обряда служит <...> условием, оберегающим других от возможной опасности вовлечения и их в сферу смерти»²⁵.

Молчание зачастую возникает рядом с теми, кто, по народным представлениям, имеет особую уязвимость. Так, в ряде описанных ситуаций объектом магического воздействия становятся дети и скот (молчанием достигается их спокойное поведение, отсутствие болезней, общее благопо-

²² Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре... С. 582, 708.

²³ Агапкина Т. А. Молчание... С. 293.

²⁴ Подробно см.: Березович Е. Л., Малькова Я. В. К реконструкции затекстовой ситуации проклятия...

²⁵ Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 124.

лучие). Уязвимость отличает и тех, кто находится в «переходном» состоянии — скажем, сглазу, порче подвержены молодожены, особенно невеста²⁶. Кроме того, нельзя не отметить и того факта, что молчание, как форма особого поведения, появляется не только по отношению к «уязвимым» людям, а также животным, но и в некоторых «сложных», «опасных», по народным представлениям, точках времени и пространства. Молчат, в *полночь* гадая или совершая различные магические действия для избавления от сглаза. Ни с кем не разговаривают, неся по *дороге* домой сноп / по *пути* домой от знахаря или же переступая *порог*, когда вводят корову в дом. К местам, где соблюдается известный «ритуальный этикет», относится *кладбище*. Если говорить о более широком контексте, то по отношению к таким «уязвимым» объектам и «опасным» ситуациям в культуре в целом **табу** применяется особенно строго. Так, например, собираясь в *дорогу*, нельзя сообщать никому, куда ты едешь: «Не отвечай, куда идёшь — удачи не будет. Говори: “На Кудыкину гору — мышей ловить да вас кормить”» (Пав); известно, что в *лесу* особенно опасно произносить имя лешего, потому что он может появиться; и мн. др.

4. Стимулирующая функция

Как отмечает Т. А. Агапкина, молчание является формой ритуального поведения, соотносимого «со смертью и сферой потустороннего»²⁷, потому, обеспечивая контакт с «иным» миром, оно, вероятно, становится в некоторых случаях гарантом исполнения действия²⁸. Молчание может выступать полным функциональным аналогом специальных вербальных формул, оно как бы «стимулирует» воплощение тех или иных ритуальных и магических практик.

Стимулирующая функция молчания, например, реализуется в практике гадания. При этом магический текст и молчание могут дополнять друг друга — в таком случае, по мнению исследователей, тишина «закрепляет успех ритуала», завершает его²⁹, ср. «алгоритм» гадания: «Колодчик сделаешь из спичек, кругом лялочкой — и запрёшь на замок. **Говоришь**: “Суженый-ряженный, приходи коня поить, у меня ключа просить” — три раза. А положишь ключ под подушку — **ни с кем не разговаривай**. Придёт во сне — наверно, ключа просить» (Парф). В то же время в гаданиях зачастую возникает также фигура **умолчания**, когда сохранять тишину не необхо-

²⁶ Здесь особо отметим, что граница между функциями ритуальном молчания не является непреходимой — и в некоторых случаях разные функции могут совмещаться, хотя, кажется, что одна из них все же будет сохранять ведущее положение. Так, молчание молодоженов, вероятно, прежде всего связано с их «переходным» статусом, однако также оно может служить и как оберег.

²⁷ Агапкина Т. А. Молчание... С. 292.

²⁸ Там же. С. 293–294.

²⁹ Агапкина Т. А. Молчание... С. 294–295.

димо, однако запрещается сообщать кому-либо о цели тех или иных своих действий или о самих действиях: «В Рождество вечером по воду пойдёшь, никому не скажешься. Кто первый попадёт навстречу, у того имя спроси. Это и будет твой муж» (Нерех). В данном случае, кажется, речь идет уже об апотропеическом смысле молчания: в ситуации, когда словом легко испортить «успех» дела, необходимо строго соблюдать ряд ограничений.

Для некоторых обрядов наблюдается своеобразная симметрия, когда магический текст и молчание выступают как эквиваленты: скажем, проклятие может быть воплощено в вербальной формуле или в действенной форме (например, путем зарывания клина) — но в тишине; ритуальный обход домов во время пожара обычно осуществляется с молитвой — или же огонь может тушиться с полным запретом разговаривать, как было в представленном выше примере.

Таблица

Ситуация использования молчания		Функция молчания	Реконструируемый смысл молчания
Ритуалы, приуроченные к святочному циклу	гадания	стимулирующая	обеспечение связи с магическим миром
	колядование	символическая	приведение в пограничное положение
Земледельческие ритуалы	окончание жатвы	моделирующая	магия подобия
Скотоводческие ритуалы	покупка скота	моделирующая	магия подобия
	отлучение детеныша от матери	моделирующая	магия подобия
	разведение скота	апотропеическая	избегание действенной силы слова
	снятие порчи со скота	стимулирующая	обеспечение связи с магическим миром

Окончание таблицы

Ритуалы жизненного цикла	рождение и младенчество	поведение рядом с новорожденным	апотропеическая	избегание действенной силы слова
		укачивание ребенка в колыбельке	моделирующая	магия подобия
		подготовка кроватки для младенца	моделирующая	магия подобия
	свадьба, поведение новобрачных		символическая	приведение в пограничное положение
	смерть	поведение рядом с умирающим	апотропеическая	избегание действенной силы слова
		поведение на кладбище	апотропеическая	избегание действенной силы слова
Ритуалы бедствия	пожар		стимулирующая	обеспечение связи с магическим миром
Колдовские практики	наведение проклятия		стимулирующая	обеспечение связи с магическим миром
	снятие порчи		стимулирующая	обеспечение связи с магическим миром

* * *

Итак, молчание является важной формой ритуального (и ритуализованного) поведения, оно охватывает собой календарные и скотоводческие ритуалы, ритуалы жизненного цикла, а также некоторые колдовские действия. Несмотря на то что в целом ряде случаев «вес» молчания значительно меньше, чем «вес» магической речи, все же оно выполняет ряд значимых функций. Ключевой в костромских материалах является функция стимулирующая: молчание обеспечивает действенность ритуала, причем в некото-

рых ситуациях оно становится эквивалентом высказывания (как, например, при наведении порчи, проклятия или же при тушении пожара), а в других оно закрепляет произносимую вербальную формулу (гадания и снятие порчи). Раритетно представлена символическая функция молчания — оно указывает на «переходный» статус участников свадебного обряда и «иномирность» колядующих во время святочных бесчинств, однако, несмотря на слабую сохранность этих фактов в Костромской области, связь фиксаций с общерусским контекстом позволяет признавать их надежность. Апотропеический смысл молчания проявляется в обращении с особо уязвимыми «объектами» в определенных «опасных» точках — во время рождения или смерти человека, по отношению к домашнему скоту и др. Если стимулирующая, символическая и апотропеическая функции молчания объясняются, по мнению исследователей, символической связью молчания с потусторонним миром и верой в действенную силу слов, то моделирующая функция (также одна из ключевых для костромской традиции) основана на распространенной в народной культуре магии подобия. С помощью молчания исполнителя ритуала достигается спокойное поведение тех, на кого этот ритуал непосредственно направлен. При этом в этот механизм вовлекаются как некоторые общерусские практики, так и локальные костромские и — шире — севернорусские, а именно сохранение молчания во время уборки последнего снопа для обеспечения благополучия скота, изготовление очепа для детской кровати в тишине и др.

Обратить внимание следует и на то, что молчание в разной степени представлено в тех или иных ритуалах. Скажем, оно особенно «активно» в ситуациях, соотносимых с детьми, что, кажется, объясняется сразу несколькими причинами: во-первых, важен бытовой фактор — крик и бессонница являются действительно самыми частыми недугами младенцев; во-вторых, испуг связывается народным мышлением с порчей, сглазом, нечистой силой, и следовательно, его особенно боятся; в-третьих, дети особо «уязвимы» для различного магического воздействия, и потому в отношении них в целом существует целый ряд запретов; наконец, в-четвертых, молчание в данном случае появляется по принципу противоположности, контраста, а симпатическая магия вообще характерна для народной медицины. По сходным причинам многообразно реализуется мотив молчания по отношению к скоту: с одной стороны, играет роль его беззащитность для колдовского воздействия, а с другой — механизм магии подобия актуален в связи с моделированием спокойного поведения. В то же время для ряда обрядов молчание гораздо менее характерно (а в современной Костромской области и вовсе раритетно): скажем, таков запрет разговаривать новобрачным во время свадебного обряда, где молчание становится лишь одним из инструментов достижения благополучия — наряду с многими другими ритуальными практиками.

Сокращения

Вохом — Вохомский район Костромской области
 Кологр — Кологривский район Костромской области
 Мак — Макарьевский район Костромской области
 Меж — Межевской район Костромской области
 Нерех — Нерехтский район Костромской области
 Окт — Октябрьский район Костромской области
 Пав — Павинский район Костромской области
 Парф — Парфеньевский район Костромской области
 Пыщ — Пыщугский район Костромской области
 Чухлом — Чухломский район Костромской области
 Шар — Шарьинский район Костромской области

Источники

Деревня Монастырь на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району / сост. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 2003.

Этнографическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Литература

Агапкина Т. А. Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 210–282.

Агапкина Т. А. Молчание // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 292–296.

Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.

Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

Адоньева С. Б., Курзина Н. А., Мариничева Ю. Ю. Деревенские пожары: диалог со стихией // Ритуалы бедствия: антропологические очерки / под ред. С. Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский центр, 2020. С. 130–152.

Белова О. В. Пожар // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 109–112.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

- Березович Е. Л. Еще раз о русском диалектном демониме КУЛЕШ // В созвездии слов и имен: сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 26–46.
- Березович Е. Л., Малькова Я. В. «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области) // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 24–33. <https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2> (83)-24-33
- Березович Е. Л., Малькова Я. В. К реконструкции затекстовой ситуации проклятия (на материале костромской культурно-языковой традиции) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20, № 1–2. С. 123–144. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.07>
- Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)
- Макшакова Т. А. Тиха ли тишинка? Этнолингвистический комментарий к русскому диалектному *тишина* ‘детская болезнь’ // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 281–296. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2025.1-2.12>
- Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 123–134. (Библиотека Института славяноведения РАН. 11.)
- Терновская О. А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла (материалы к словарю) // Славянское и балканское языкознание. Вып. 4: Карпато-восточнославянские параллели: Структура балканского текста / сост. и отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 77–130.
- Толстая С. М. Колыбель // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 559–562.
- Толстая С. М. «Ономастическая магия» в славянской народной традиции // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. (30 января — 2 февраля 2001 г., Москва). М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Ч. 2. С. 120–122.

References

- Agapkina, T. A., 1999. Thing, Image, and Symbol: Bells and Ring of the Bells in Slavic Traditional Culture. In: S. M. Tolstaia, ed., 1999. *A World of Sounds and a World of Silence: Semiotics of Sounds and Speech in Slavic Traditional Culture*. Moscow: Indrik, pp. 210–282. (In Russian)
- Agapkina, T. A., 2004. Silence. In: N. I. Tolstoy, ed., 2004. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 3, pp. 527–528. (In Russian)
- Agapkina, T. A., 2010. *East Slavic Healing Spells in Comparison: World Meaningfulness and Image*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Agapkina, T. A., 2019. *Trees in Slavic Folk Tradition: Essays*. Moscow: Indrik. (In Russian)

- Adon'eva, S. B., Kurzina, N. A., Marinicheva, Yu. Yu., 2020. Village Fires: a Dialog with Forces of Nature. In: S. B. Adon'eva, ed., 2020. *Disaster Rituals: Anthropologic Essays*. St Petersburg: Proppovskii tsentr, pp. 130–152.
- Belova, O. V., 2009. Fire. In: N. I. Tolstoy, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 109–112. (In Russian)
- Berezovich, E. L., 2007. *Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Berezovich, E. L., 2017. Once Again About Russian Dialectal Demonym KULESH. In: E. L. Berezovich, ed., 2017. *In the Cluster of Words and Names: a Collection of Scientific Articles on the Occasion of Maria Eduardovna Rut's Jubilee*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, pp. 26–46. (In Russian)
- Berezovich, E. L., Malkova, Ya. V., 2024. “Tense” Sounds in Ritualism and Magic (Based on Materials of Cultural and Linguistic Tradition of Kostroma Region). *Ural Historical Journal*, 2, pp. 24–33. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-24-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-24-33) (In Russian)
- Berezovich, E. L., Malkova, Ya. V., 2025. On Reconstruction of an Extra-Text Curse Situation (Based on the Materials of Kostroma Cultural and Linguistic Tradition). *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 123–144. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.07> (In Russian)
- Gura, A. V., 2012. *Wedding and Marriage in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbols*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Makshakova, T. A., 2025. Is the *Tishinka* Quiet? An Ethnolinguistic Commentary on the Russian Dialect Word *Tishina* ‘Childhood Illness’. *Slavic Almanac*, 2025, 1–2, pp. 281–296. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2025.1-2.12> (in Russian)
- Nevskaia, L. G., 1999. Silence as an Attribute of Death. In: Tolstaya S. M., ed., 1999. *A World of Sounds and a World of Silence: Semiotics of Sounds and Speech in Slavic Traditional Culture*. Moscow: Indrik, pp. 123–134. (In Russian)
- Ternovskaia, O. A., 1977. Vocabulary Associated with the Reaping Cycle Ceremonies (Records for a Dictionary). In: T. M. Sudnik, T. V. Tshiv'ian, eds., 1977. *Slavic and Balkan Linguistics. Issue 4. Carpathian and East Slavic Parallels. Structure of Balkan Text*. Moscow: Nauka, pp. 77–130. (In Russian)
- Tolstaya, S. M., 1999. Cradle. In: N. I. Tolstoy, ed., 1999. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2, pp. 559–562. (In Russian)
- Tolstaya, S. M., 2001. Onomastic Magic in Slavic Folk Tradition. In: *Name: Internal Structure, Semantic Aura, Text: Abstracts of the International Scientific Conference (January 30 — February 2, 2001, Moscow)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. Part 2, pp. 120–122. (In Russian)